

НЕНАЗВАННЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕВА ГРЕЙ

Ева Грей

Неназванный. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73078218

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире каждому человеку при рождении даётся Истинное Имя.

Имя определяет судьбу, магию и право на существование.

Он родился без имени.

Его не должно было быть. Его нельзя было записать. Его должны были стереть.

Но он выжил – и обнаружил, что способен делать невозможное:

использовать чужие Истинные Имена.

Каждый раз, когда он берёт имя, мир становится понятнее.

И каждый раз – он сам становится меньше.

За ним охотится Реестр.

Его пытаются спасти те, кто его любит.

А он пытается понять, кем можно быть, если тебе не дали права называться человеком.

«Неназванный» – первая книга мрачной фэнтези-серии о цене идентичности,

власти имени и выборе, у которого нет правильного ответа.

Содержание

Глава 1. Ребёнок без записи	4
Глава 2. Женщина, которая не смогла	17
Глава 3. Дом, где не задают вопросов	24
Глава 4. Все имеют имя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ева Грей

Неназванный.

Книга первая

Глава 1. Ребёнок без записи

Кровать скрипнула так, словно дом сам хотел отодвинуться от происходящего.

Женщина лежала на боку, вцепившись пальцами в край простыни, и дышала коротко, без ритма – будто кто-то всё время сбивал ей счёт. Снаружи шёл дождь, тяжёлый и медленный, и капли стучали по крыше не как шум, а как предупреждение: не сейчас, не здесь, не так.

В комнате пахло кипячёной водой, травами и страхом, который ничем не перебить.

– Тише... – прошептала повитуха, хотя знала: тише уже некуда. – Не кричи. Слышат.

Женщина кивнула – не потому что согласилась, а потому

что сил не осталось даже на протест. Она прикусила губу до крови. В углу горела одна свеча, и её свет дрожал, как будто тоже боялся.

Повитуха была старая, сухая, с руками, которые помнили больше родов, чем имён в городе. Она работала быстро и без лишних слов. Лишние слова в эту ночь могли стоить дороже, чем кровь.

– Ты уверена? – спросила она всё же, когда очередная судорога прошла, оставив после себя холодный пот. – Ещё можно...

– Нельзя, – выдохнула женщина. – Уже нельзя.

Повитуха не стала спрашивать, что именно «уже нельзя». Она видела таких, как эта – тех, кто приходит не рожать, а спасать. Или умирать.

Внизу в доме кто-то тихо прошёлся по коридору. Доски не скрипнули. Значит, ходили не хозяйева.

Повитуха замерла на секунду, прислушалась и только после этого продолжила, будто этой секунды не было.

– Дыши, – сказала она. – Когда будет пора, не бойся. Это

самое страшное только кажется.

Женщина попыталась улыбнуться — вышло хуже, чем плач. Лицо её было слишком бледным для живого человека, и глаза смотрели куда-то мимо свечи, в темноту, где уже стоял конец.

Потом всё ускорилося.

Боль стала не волной, а стеной, и женщине показалось, что её ломают изнутри. Она сжала руку повитухи так крепко, что ногти вошли в кожу.

— Сейчас, — коротко сказала повитуха.

И в этот момент воздух в комнате будто уплотнился.

Так бывало всегда — в последние минуты, когда ребёнок делал выбор, который делают все дети этого мира: быть названным.

Повитуха сунула женщине в руку тряпицу и склонилась ниже. Несколько движений — привычных, точных. Сдавленный всхлип — и...

Тонкий плач, такой маленький, что ему хотелось верить.

– Живой, – шепнула повитуха. – Живой...

Она подняла ребёнка, обтерла, быстро завернула, проверяя дыхание, цвет кожи, пальцы, губы – всё то, что умеют видеть только те, кто держал жизнь на ладони сотни раз.

Ребёнок был крошечный, худой, как будто ещё до рождения знал, что в этом мире ему будут давать меньше, чем другим. Его глаза, едва открывшись, не искали света – они смотрели в темноту, спокойно и без вопросов.

Повитуха сглотнула.

Сейчас должен был быть ритуал.

Не торжественный – здесь, в тайной комнате, без свидетелей, без музыки и свечей храмового огня. Но всё равно обязательный. Он закреплял в человеке самое важное: Истинное Имя.

Без него ребёнок оставался... ничем.

Повитуха достала из сумки маленькую дощечку, гладкую, старую, с выжженным знаком Реестра – на всякий случай. Дощечка была не документом, а инструментом. Она помо-

гала магии «сцепиться» с новорождённым, чтобы имя легло правильно.

– Слушай меня, – прошептала она ребёнку, хотя говорила на самом деле миру. – Слушай... и возьми.

Она коснулась дощечкой лба малыша и произнесла первую формулу – тихую, почти беззвучную. Слова были древние, хрупкие, как паутина: если ошибёшься, порвёшь.

По правилам после формулы всегда происходило одно и то же.

Свеча должна была дрогнуть и выровняться. Воздух – стать легче. На дощечке – проступить тонкая тень знака, подтверждение того, что Реестр услышал и записал.

Имя не произносили вслух при посторонних – его слышала магия. Люди получали только зов – обычное, бытовое имя, по которому к ним обращались. Но Истинное... Истинное было всегда.

Повитуха произнесла вторую формулу.

Пауза.

Ничего.

Она повторила — чуть сильнее, вкладывая в голос власть, которую имеют только такие, как она: те, кто говорят с началом.

Свеча дрогнула — и... погасла.

Комнату накрыла темнота.

Плач ребёнка оборвался так резко, будто его ударили.

Женщина на кровати вдохнула и не смогла выдохнуть — будто воздух перестал быть воздухом.

Повитуха застыла, держа младенца на руках.

Снаружи дождь перестал стучать. Или просто она перестала его слышать.

— Нет... — прошептала она.

В темноте она нащупала огниво, дрожащими пальцами попыталась высечь искру. Искры не было. Как будто сам огонь в эту секунду сказал: я не буду участвовать.

– Что... – одними губами спросила женщина. – Что это значит?

Повитуха не ответила сразу. Она прислушивалась не к до-
му и не к дождю.

Она прислушивалась к пустоте.

Потому что в обычных родах магия звучит. Тихо, но уве-
ренно – как имя, произнесённое за спиной.

А сейчас в комнате была тишина, которую нельзя объяс-
нить.

Повитуха поднесла ребёнка ближе к лицу и, не глядя на
женщину, сказала очень тихо, чтобы даже стены не услыша-
ли:

– Реестр не взял.

Женщина моргнула.

– Не... взял? Как – не взял?

Повитуха сглотнула снова. Руки её, которые никогда не
дрожали, дрожали.

– Так не бывает, – прошептала она. – Но бывает.

Она осторожно коснулась пальцем груди ребёнка, там, где обычно – у каждого – пробуждался маленький тёплый знак, невидимый, но ощущаемый: ядро имени.

И почувствовала... ничего.

Не холод. Не боль.

Просто отсутствие.

Как будто кто-то вырезал место для имени ещё до рождения.

Женщина на кровати приподнялась на локтях, в глазах у неё было не удивление – ужас, уже знакомый, давно живущий внутри.

– Он... без...? – не договорила она.

Повитуха кивнула. Один раз. Резко. Как приговор.

– Без.

Внизу снова прошёл кто-то в коридоре. Теперь доски всё-таки едва слышно вздохнули – и этот звук показался слишком громким.

Повитуха быстро завернула ребёнка плотнее, будто ткань могла скрыть от мира не только тело, но и сам факт существования.

– Слушай меня, – сказала она женщине, и голос у неё вдруг стал злым, деловым, без сочувствия. Так говорят, когда жалость опасна. – Ты понимаешь, что это значит?

Женщина смотрела на свёрток, как на оголённый нож.

– Понимаю, – выдохнула она. – Поэтому я здесь.

Повитуха сжала губы.

– Они убьют его.

– Если найдут.

– Они найдут, – тихо сказала повитуха. – Пустота оставляет след. Реестр не любит пустых мест.

Слово «пустота» прозвучало как ругательство.

Ребёнок не плакал. Он лежал тихо и смотрел вверх – туда, где должна была быть свеча, где должен был быть свет, где должна была быть магия, которая всегда приходит.

Но магия не пришла.

Повитуха, не выдержав, наклонилась и почти коснулась его лба губами – благословение, которое она не должна была давать.

– Прости, – прошептала она. – Я не умею рожать то, чего нет.

Женщина протянула руки.

Повитуха передала ей свёрток, и женщина прижала ребёнка к груди так крепко, будто могла этим прижатием вдавить его в реальность.

В этот момент ребёнок вдруг вдохнул глубже – и воздух в комнате чуть-чуть изменился.

Как будто он попробовал мир на вкус.

И мир – впервые – испугался.

Снизу послышался голос. Не громкий, но властный.

– Здесь, – сказал кто-то. – Я чувствую. Тут что-то не записано.

Женщина замерла.

Повитуха уже была у двери, рукой прижимая щеколду, хотя знала: щеколда не остановит тех, кто пришёл с Реестром.

Она повернулась и посмотрела на женщину так, будто видела её впервые.

– У тебя есть один шанс, – сказала она. – Если он останется здесь – он умрёт до утра.

Женщина кивнула. Ресницы у неё дрожали, но слёз не было.

– Тогда... – прошептала она. – Сейчас.

Повитуха резко отодвинула половицу возле стены – там был узкий лаз, про который знали только те, кто никогда не спрашивает «зачем». Из лаза пахнуло землёй и старостью.

– Вниз, – сказала повитуха. – И не оборачивайся.

Женщина, прижимая ребёнка, сползла с кровати. Ноги её дрожали, но она не упала. Она двигалась как человек, который уже давно прожил этот момент в голове – и теперь просто исполнял.

Сверху за дверью слышались шаги. Уже ближе. Увереннее.

Повитуха встала у входа, выпрямилась – маленькая, сухая, в темноте почти невидимая, но вдруг очень твёрдая.

– Я буду говорить, – прошептала она. – А ты уходи.

Женщина исчезла в лазе.

Ребёнок, прежде чем исчезнуть вместе с ней, повернул голову и посмотрел на повитуху. Не плакал. Не тянулся. Просто смотрел так, будто запоминал.

Повитуха вздрогнула.

И впервые за всю жизнь подумала:

Если у него нет имени... то что же в нём есть?

Дверь ударили снаружи.

– Открой, – прозвучал голос. – Во имя Реестра.

Повитуха вдохнула и ответила спокойно:

– Здесь никого нет.

И в этом была не ложь.

Это было правило мира.

Если у тебя нет имени – тебя действительно нет.

Но где-то под полом, в темноте, у женщины на руках дышал ребёнок.

Ребёнок без записи.

И мир уже начал его искать.

Глава 2. Женщина, которая не смогла

Лаз был узким и неровным. Земля царапала колени, холод цеплялся за кожу, а воздух становился гуще с каждым шагом вниз, будто под землёй его хранили скупно. Женщина двигалась почти наощупь, одной рукой прижимая ребёнка к груди, другой – скользя по стене, чтобы не потерять равновесие.

Сверху раздался глухой удар. Потом голос. Потом ещё один.

Она не слушала слова. Слова могли остановить. Она слушала только дыхание – своё и его.

Ребёнок дышал ровно. Слишком ровно для новорождённого, который только что пережил боль, шум, страх и бегство. Его грудь поднималась и опускалась так спокойно, словно он не считал происходящее чем-то необычным.

Это пугало больше, чем плач.

Лаз вывел в старый подвал – низкий, сырой, с потолком,

где паутина висела слоями, как забытые мысли. Здесь давно никто не жил. Здесь вообще не жили – только переживали.

Женщина опустилась на колени и на секунду закрыла глаза.

Дыши, – сказала она себе. – Потом думай.

Она осторожно развернула ткань и посмотрела на ребёнка. Его лицо было сморщенным, непропорционально серьёзным. Глаза – тёмные, почти чёрные – смотрели не на неё, а куда-то мимо, вглубь подвала, как будто он видел больше, чем позволено.

– Ты должен плакать, – прошептала она, не упрёком, а просьбой. – Пожалуйста. Хоть чуть-чуть.

Ребёнок моргнул.

И не заплакал.

Она сжала губы, чувствуя, как подступает паника – та, что приходит не сразу, а когда опасность уже случилась, и мозг наконец догоняет тело.

Без имени, – отозвалось внутри, тяжёлое и липкое. – Он

без имени.

В обычной жизни она не была трусихой. Она умела принимать решения, умела молчать, умела выживать. Но сейчас её трясло, потому что в руках у неё был не просто ребёнок.

В руках у неё было нарушение.

Сверху снова раздались шаги. Уже не торопливые. Уверенные. Те, кто знал, что время работает на них.

Женщина вскочила, прижимая ребёнка крепче, и огляделась. В подвале был второй выход – низкая дверь, ведущая в старый дренажный коридор. Её редко использовали: слишком узко, слишком грязно, слишком неудобно.

Слишком идеально.

Она толкнула дверь плечом, та поддалась с глухим стоном. В лицо пахнуло застоявшейся водой и камнем.

– Прости, – прошептала она ребёнку, словно извиняясь за то, что мир оказался таким. – Я не знаю, куда мы идём.

Ребёнок тихо выдохнул. Не звук – движение воздуха.

Коридор был тёмным, но не полностью. Где-то далеко впереди пробивался слабый, сероватый свет – не солнце, а его отражение, украденное у поверхности.

Она шла, стараясь не споткнуться, считая шаги, как будто числа могли удержать её от мыслей. За спиной всё ещё слышались голоса, но уже приглушённые – подвал начал путать звук.

Они ищут не нас, – вдруг подумала она. И эта мысль была хуже любой другой. – Они ищут пустоту.

Потому что человека можно спрятать. А пустоту – нет.

Ребёнок зашевелился. Его пальцы – тонкие, почти прозрачные – сжались на ткани её платья, словно он понял, что держаться нужно крепче.

Она остановилась.

– Нет, – прошептала она, – не сейчас.

Но он не плакал. Он просто двигался – медленно, как будто проверяя, существует ли его рука на самом деле.

В этот момент женщина поняла, что боится не за себя. И

даже не за то, что их поймают.

Она боялась того, кем он станет, если выживет.

Коридор вывел в маленькую нишу, где когда-то хранили инструменты. Женщина присела, прижавшись спиной к камню, и впервые позволила себе посмотреть правде в глаза.

Она не была его матерью.

Она была тем, кто оказался рядом, когда миру понадобилось сделать вид, что его нет.

– Я не знаю, как тебя называть, – прошептала она. – Я не имею права.

В этом мире нельзя было называть без имени. Слово – даже случайное – могло притянуть внимание Реестра, как кровь – хищника.

Она провела пальцем по его щеке. Кожа была тёплой. Реальной.

– Но я не могу молчать всегда, – продолжила она, глядя на него. – Я не смогу.

Ребёнок вдруг посмотрел прямо на неё. Взгляд был странно осознанным – не взрослым, нет, но и не пустым. В нём не было вопроса. В нём было ожидание.

Как будто он ждал, что она скажет.

Женщина закрыла глаза.

– Пока ты... – она запнулась, подбирая слово, которое не было бы именем. – Пока ты есть.

Это было всё, что она могла ему дать.

Где-то наверху что-то глухо щёлкнуло. Магия искала. Ресстр щупал пространство, как слепец, уверенный, что найдёт всё, что существует.

Женщина поднялась.

– Мы не можем здесь оставаться, – сказала она уже твёрже. – Ты слышишь? Мы не можем.

Она снова пошла, быстрее, осторожнее. С каждым шагом страх становился не таким острым, но более тяжёлым – осознанным.

Она уже приняла решение.

Если мир не дал ему имени – она даст ему жизнь.

Даже если для этого придётся исчезнуть самой.

Когда они вышли наружу, было ещё темно. Дождь почти закончился, и улицы были пустыми – идеальное время для тех, кого не должны видеть.

Женщина натянула капюшон, спрятала лицо ребёнка глубже в ткань и растворилась в городе, который не знал, что в эту ночь у него появился враг.

Не маг. Не пророк. Не герой.

Просто тот, кого не смогли назвать.

И этого оказалось достаточно.

Глава 3. Дом, где не задают вопросов

Дом стоял в конце узкой улицы, там, где город делал вид, что заканчивается. Дальше начинались склады, старая пристань и пустоты между зданиями – места, которые никто не считал своими. Именно там люди обычно и прятали то, что не хотели объяснять.

Женщина остановилась перед дверью не сразу. Сначала прислушалась. Потом коснулась ладонью стены – привычка, оставшаяся от прежней жизни, когда она ещё верила, что стены могут ответить.

Дом молчал.

Это было хорошо.

Она постучала один раз. Не громко, но уверенно – так стучат те, кто знает, что им откроют. Через несколько секунд щеколда сдвинулась, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался глаз.

– Ты поздно, – сказал голос. Женский. Хриплый. Уставший.

– Я не могла раньше, – ответила она. – Мне нужно место.

Глаз задержался на свёртке у неё на руках. Чуть дольше, чем следовало.

– С этим? – спросила женщина за дверью.

– С этим, – кивнула та, что пришла.

Щель расширилась. Дверь открылась.

Внутри было тепло. Не уютно – именно тепло. От печи, от людей, от привычки жить близко друг к другу, не задавая лишних вопросов. В комнате сидели трое: мужчина с перевязанной рукой, девочка лет десяти с книжкой и старуха, чьё лицо было таким морщинистым, что казалось, будто оно помнит больше, чем положено одному человеку.

– Закрой, – сказала старуха, даже не поднимая головы. – Холод тянет.

Дверь закрыли.

Женщина прошла внутрь, не снимая плаща. Она не села. Она не знала, сколько времени ей дадут.

– Я не за помощью, – сказала она сразу. – Я за тишиной.

Старуха усмехнулась.

– Все так говорят, – сказала она. – А потом оказывается, что помощь и тишина – одно и то же.

Она наконец подняла глаза – мутные, но внимательные. Посмотрела на женщину. Потом – на ребёнка.

– Покажи, – сказала она.

Женщина замешкалась. Всего на секунду. Потом осторожно развернула ткань.

Ребёнок лежал спокойно, словно всё происходящее не имело к нему отношения. Его глаза были открыты, но взгляд скользил, не цепляясь за лица.

В комнате стало тише. Даже девочка перестала листать страницы.

– Не плачет, – заметил мужчина с перевязанной рукой.

– Не зовёт, – добавила старуха.

Это было сказано без обвинения. Как факт.

Женщина кивнула.

– У него... – она сделала вдох. – У него нет имени.

Слова повисли в воздухе. Не громкие, не запретные – просто опасные.

Мужчина выпрямился. Девочка медленно закрыла книгу.

Старуха смотрела долго. Потом отвела взгляд первой.

– Тогда ты пришла правильно, – сказала она. – Здесь мы не спрашиваем того, чего не хотим знать.

– Я не могу остаться надолго, – быстро сказала женщина. – Только переждать. День. Может, два.

– Реестр? – спросил мужчина.

– Уже ищут, – ответила она.

Старуха кивнула, словно услышала не новость, а подтверждение давно ожидаемого.

– Значит, правила, – сказала она. – Ты их знаешь?

Женщина кивнула снова.

– Не выходить без нужды. – Не звать по именам. – Не использовать магию. – Не задавать вопросов.

– И ещё одно, – добавила старуха, глядя прямо на ребёнка. – Не привязываться.

Женщина сжала свёрток сильнее.

– Я не уверена, что смогу.

– Тогда тебе будет трудно, – спокойно ответила старуха. – Но не невозможно.

Ей показали комнату наверху – маленькую, с низким потолком и окном, выходящим на глухую стену соседнего дома. Свет туда почти не попадал, но и взглядов тоже.

– Здесь безопасно, – сказала старуха. – Настолько, насколько вообще бывает безопасно.

Женщина опустилась на узкую кровать и впервые за всё это время позволила себе выдохнуть полностью. Тело тут же отозвалось дрожью – запоздалой, некрасивой, но честной.

Ребёнок зашевелился. Тихо, почти незаметно. Его пальцы снова нашли ткань её платья.

– Тише, – прошептала она, хотя он и так был тих.

Она смотрела на него и пыталась понять, что чувствует.

Любовь? Нет. Слишком рано.

Страх? Да. Но не только.

Было ещё что-то – странное, непривычное. Ответственность без названия. Как будто мир передал ей свёрток и сказал: теперь ты отвечаешь.

Ночью она не спала. Слушала дом – как скрипят доски, как кто-то кашляет внизу, как ветер трогает ставни. Каждый звук она примеряла к худшему.

Но ничего не случилось.

Утром старуха принесла воду и кусок хлеба.

– Он ел? – спросила она.

– Да, – ответила женщина. – Он... всё время спокойный.

Старуха хмыкнула.

– Это временно, – сказала она. – Или навсегда. С такими никогда не знаешь.

– С такими? – переспросила женщина.

Старуха посмотрела на неё внимательно.

– С теми, кого мир не признал, – сказала она. – Иногда они стараются быть незаметными. Иногда – наоборот.

Она протянула женщине ткань.

– Если он здесь, – продолжила старуха, – он будет жить по нашим правилам. Он не будет особенным. Не будет главным. Не будет центром.

Женщина кивнула.

– Я не хочу, чтобы он был особенным, – сказала она тихо. – Я просто хочу, чтобы он был.

Старуха посмотрела на ребёнка ещё раз.

– Посмотрим, – сказала она. – Обычно мир не прощает таких желаний.

Днём женщина вышла во двор – ненадолго, проверить, чисто ли. Город жил своей жизнью, и в этом была самая большая опасность: он не знал, что должен бояться.

Вернувшись, она увидела, как девочка из дома сидит рядом с кроватью и смотрит на ребёнка.

– Я его не трогала, – быстро сказала девочка. – Просто смотрю.

– Хорошо, – ответила женщина. – Смотреть можно.

– Он странный, – сказала девочка без злобы. – Он как будто... пустой. Но не мёртвый.

Женщина медленно села рядом.

– Не говори так вслух, – сказала она мягко. – Даже здесь.

Девочка кивнула.

– А как его звать? – спросила она после паузы.

Женщина почувствовала, как внутри что-то сжалось.

– Никак, – сказала она. – Его нельзя звать.

Девочка задумалась.

– Тогда он... просто есть?

Женщина посмотрела на ребёнка. Он спал. Тихо. Ровно.

– Да, – сказала она. – Пока – да.

За стенами дома город продолжал дышать, считать, записывать.

А здесь, в доме, где не задавали вопросов, рос тот, на кого в Реестре не было строки.

И именно поэтому он был опаснее, чем кто-либо ещё.

Глава 4. Все имеют имя

Прошло время.

Не так много, чтобы считать его годами, и не так мало, чтобы называть днями. В этом доме время вело себя странно – оно не шло вперёд, а оседало слоями, как пыль. Женщина научилась различать их по мелочам: по тому, как менялся запах комнаты, по трещине в стене, которая становилась длиннее, по тому, как ребёнок начинал дольше смотреть, прежде чем моргнуть.

Он рос тихо.

Не быстрее других детей и не медленнее – просто без шума. Он почти не плакал. Когда хотел есть, он не кричал, а двигался – едва заметно, словно проверяя, заметят ли его вообще. И его всегда замечали. Не потому что он требовал, а потому что рядом с ним было трудно не смотреть.

Женщина редко выпускала его из рук в первые месяцы. Потом – реже. Не потому что боялась уронить, а потому что боялась отпустить. В какой-то момент старуха сказала:

– Ты держишь его так, будто он может исчезнуть.

Женщина не ответила. Потому что это была правда.

Когда он начал сидеть, мир вокруг стал для него шире. Он смотрел. Слушал. Запоминал. Он не тянулся к вещам, как другие дети. Он сначала наблюдал – долго, внимательно, как будто хотел убедиться, что предмет не обидится, если его коснутся.

– Станный, – сказала однажды девочка, сидя рядом и катая по полу деревянный шарик. – Он всё время думает.

– Он ребёнок, – ответила женщина. – Он не думает.

Но она знала: это неправда.

Он действительно думал. Не словами – образами, ощущениями, паузами. Он часто замирал, глядя в пустоту, и в такие моменты женщина чувствовала лёгкий холод – как сквозняк, которого не должно быть.

Имя.

Это слово не произносили в доме часто. Но оно было везде.

Когда мужчина с перевязанной рукой возвращался вечером, его звали по имени – коротко, привычно. Когда девочку звали ужинать, имя летело по комнате, и она откликнулась сразу, как будто это было не слово, а часть её тела. Старуху звали редко, но когда звали – в голосе всегда было уважение, почти страх.

Имя было якорем.

Он это заметил.

Однажды он сидел у окна – уже достаточно большой, чтобы держаться сам – и смотрел, как на улице женщина окликнула мужчину. Он не видел их лиц, только услышал звук. Мужчина обернулся сразу, резко, как будто его потянули за невидимую нить.

Ребёнок нахмурился.

– Почему... – он запнулся, подбирая звук. – Почему он?

Женщина замерла.

Он говорил мало. И говорил странно – не так, как другие дети. Он не лепетал. Он ждал, пока слова станут нужными.

– Потому что его позвали, – сказала она осторожно.

Он подумал.

– А меня... – он не договорил.

Она села рядом.

– Тебя нельзя звать, – сказала она так же осторожно. – Это опасно.

– Почему?

Вот он. Вопрос, которого она ждала и боялась.

– Потому что... – она искала слова, которые не ранят. – Потому что не всем нужно имя, чтобы быть.

Он посмотрел на неё. Долго.

– Но у всех есть, – сказал он наконец. Не утверждение. Констатация.

Она кивнула.

– Почти у всех.

Он снова повернулся к окну. Там мальчишка смеялся, когда его кто-то окликнул. Смех был громкий, свободный, уверенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.